

ПОЧЕМУ В ЦЕРКВИ НЕ ПРИВЕТСТВУЕТСЯ ОБЩЕНИЕ?

Вопрос: Почему в православной церкви не приветствуется общение?

А.М. Копировский, катехизатор (Свято-Андреевское братство): Понимаю, чем вызван этот вопрос: стереотипом, что церковь — это строгие, сухие, мрачные люди, которые стараются больше молчать и не общаются. Но нужно помнить, что типов общения очень много, и они не сводятся лишь к разговорам. В современном обществе очень распространено безответственное, ни к чему не ведущее общение — бесплодное, бесплотное. Такое общение вряд ли совместимо с жизнью верующего человека. Конечно, это не значит, что в церкви невозможны никакие шутки, никакая радость. В ней гораздо больше места для радости, чем вне ее.

Вопрос: По какому праву старушки, которые уже всё знают о вере и церкви, как бы присваивают себе храм, его пространство, чувствуют себя в нем хозяйками, а на вновь приходящих только шикают и ругаются?

А.М. Копировский: Потому что они, и правда, думают, будто они все знают о вере. Человек должен понимать, что он не все знает. С другой стороны, важно помнить, что именно бабушки наполняли храмы в советское время, они как-то их содержали, ремонтировали и так далее. И очень часто, благодаря им, храмы не были закрыты — по крайней мере, некоторые.

Я думаю, сегодняшняя ситуация может измениться только если в храм придут люди, действительно знающие церковное учение и традицию, и реально возьмут на себя заботу не только о храмах, но и об этих старушках.

Вопрос: Многовековая монашеская традиция говорит о необходимости ухода человека из мира. Об этом и все святые отцы пишут. Почему настоящему христианину нужно уходить из мира? И тогда: так ли уж необходимо церковное общение в свете православной традиции?

тианину нужно уходить из мира? И тогда: так ли уж необходимо церковное общение в свете православной традиции?

А.М. Копировский: Отречение от мира — не монашеская традиция. «Не любите мира, ни того, что в мире» — эти слова были написаны для всех. Но вста-

ет вопрос — отречение от какого мира? Христианство связано именно с поиском нового мира — Царства Небесного. Когда человек видит, что тот мир, который его окружает, очевидно живет против Божьей воли, он начинает искать иного, и тех, кто ищет иной жизни, — и находит!

Вопрос: Что делать, чтобы действительно быть христианином? Например, я хожу в храм на богослужения, еще там проводятся встречи о вере, на которые я хожу. Этого достаточно?

А.М. Копировский: «Достаточно» здесь вообще не бывает. К тому же, можно ходить в храм, на встречи, но не быть христианином, делая все это только для себя. А христианином человек становится, когда почувствует, что во Христе есть то, чего нет ни в ком другом, и пойдет за Ним. Тогда будут естественными и храм, и встречи о вере.

Вопрос: Откуда появилась церковная традиция после причастия молчать, уходить в себя, не давать целования другим и т.д.? Это древняя традиция или нет?

А.М. Копировский: Традиция ухода в себя скорее восходит к язычеству, чем к христианству; она и теперь существует в обществе. Однако очень понятно, почему она возникает в связи с причастием. Эта граница — просто реакция на недостатки людей, на легкомысленное отношение к тому, что сокровенно и что можно оскорбить и профанировать. Да, иногда это доходит до крайностей: я помню одного священника, который всерьез требовал после причастия три часа молчать. Но, конечно, то, что на самом деле есть в церкви — гораздо шире, гораздо разнообразнее и живее, а то, о чем вопрос — скорее напоминание, что человек не должен переходить слишком быстро к повседневности.

21 февраля 2004 года скончался Сергей Сергеевич Аверинцев. Сегодня, спустя три года, мы вновь вспоминаем его не только как человека, чье слово было значимо для всех ищущих правду, добро и красоту, но и как члена Преображенского содружества.

«Князь века сего внушает нам:
«Блаженны преуспевшие,
победившие, прославившиеся,
стяжавшие...»

В евангелии мало слов, которые было бы нам так трудно принять и так важно принять, как слова евангелия этого дня, — о том, что должно «отречься себя» и взять на себя крест. И недаром Господь сейчас же прибавляет укоризну и угрозу тем, кто постыдится Его слов «в веке сем». Это необходимое напоминание, ибо век сей и князь века сего делают мыслимое и немислимое, чтобы слова об отречении от себя, от своей самости, и путь добровольного принятия креста представить как нечто смешное, или безумное, или странное и нелепое, чтобы мы перестали слышать эти слова и сделали их простой условностью: ну вот, какие-то мелкие неприятности — это крест, кресты мы все несем, у всех есть какие-то неприятности.

Одновременно мы слышим, как голос века сего, не умолкая, внушает нам противоположное. Мы пережили эпоху, когда голос века сего звучал в безбожной пропаганде. Но сейчас, когда эта безбожная пропаганда умолкла, мы продолжаем слышать его в той же рекламе, которая ежечасно выворачивает заповеди блаженства, и век сей, князь века сего внушает нам: «Нет, блаженны не плачущие, не нищие духом, не алчущие и жаждущие правды. Блаженны преуспевшие, победившие, прославившиеся, стяжавшие, не стыдящиеся своих страстей». Их ублажает век, и нужно мужество, мужество, которого Господь требует от нас под самой страшной угрозой, — не постыдиться слов Его в веке сем. Сохранить им верность. И хотя бы в малую меру пытаться исполнить.

...У одной английской писательницы есть пьеса, герой которой — горделивый художник, который верует в Бога и готов перед Богом даже и покаяться в своих грубых грехах, но не может расстаться с гордыней художника. И бросает в лицо Самому Христу в беседе с Ним вызов: «Нет, от этого, от моего величия художника я не откажусь, какие бы мучения Ты мне ни послал за это. Я готов принять любое мучение». Он гордо готов принять любое мучение, и Христу достаточно ответить: «Ты не можешь назвать ни одного мучения, которого бы я уже не взял на Себя». Дай нам Бог не забывать это в наше время, которое особенно стремится к тому, чтобы искоренить даже и у людей верующих чувство креста. Если человек болен, значит, еще недостаточно хороша медицина, надо найти врача лучше, еще лучше. Если в нашей стране нет хороших врачей — это причина для гнева и обиды, но в других странах есть. А если еще какие-то болезни сегодня неизлечимы, они будут излечимы завтра. Прогресс обещает как будто устранить крест из человеческой жизни.

Крест, конечно, устранен не будет. Люди страдают и будут продолжать страдать. То, что нам угрожает, — это потерять правильное расположение сердца по отношению к кресту: воспринимать тяготу как обиду со стороны других людей, недуги — как ошибки и дурную работу врачей, самую смерть — как медицинскую ошибку. Да не будет с нами этого. Да не согласится человек отдать самое высокое достоинство, ему предоставленное, самую светлую возможность причастности к царственному кресту Христову.

...Крест — это суд над веком сим, ибо что мы видим? В человеческой жизни есть немало такого, что само по себе почтенно, хорошо, устроено для сохранения справедливости — суды, государство, уклад семейной жизни. Но все испорчено грехами. И для Того, Кто совсем неповинен, — где для Него место в этом мире? Христос свидетельствовал о Себе, что Он, в отличие от птиц, имеющих гнезда, и зверей, имеющих норы, не имеет где приклонить голову. Святость, полная чистота, не вступающая ни в какое смешение со злом мира, не имеет в этом мире где приклонить голову. И в конце концов отыскивается единственное место, которое мы еще не успели, не сумели осквернить, которое невозможно осквернить, — это крест. Это место чистого страдания. Помолимся о тех, кто за нас берет на себя трудные, тяжкие, жертвенные подвиги. А о себе, не делающих этого, помолимся, чтобы у нас было, по крайней мере, доброе и чистое расположение пред лицом всех тех малозначительных или более серьезных тягот, на которые так щедро жизнь, чтобы мы принимали крест как крест и в это же мгновение прощали обижающих. Клеветники против веры, глумящиеся над христианской идеей смирения, всепрощения и принятия на себя креста, многократно повторяли, что это — тупое, рабское чувство, рабская покорность, не различающая справедливости и несправедливости, безразлично все принимающая. Бывает и это. Но это никак не христианское принятие креста. Ибо о христианине, приемлющем крест, сказано: «Блаженны плачущие». По-гречески употреблено слово, означающее как бы несущих траур, то есть не принимающих, не приемлющих неправды и не позволяющих себе дешевого утешения перед лицом зла мира. И так же в заповедях блаженства сказано: «Блаженны алчущие и жаждущие правды». Вот что такое принятие креста — согласие страдать самому и неприятности мира, отторжение греха и прощение грешника. Господи, дай нам видеть это в малом и в великом, каждый миг, когда мы выйдем из этого храма и пойдем по нашим путям.

Из проповеди С.С. Аверинцева во Владимирском соборе б. Сретенского монастыря, произнесенной 21 марта 1993 г. в Крестопоклонную неделю Великого поста

ПЕРЕВОДЧИК-МОСТОСТРОИТЕЛЬ

*Благодарю Бога моего:
я более всех вас говорю языками;
но в церкви хочу лучше
пять слов сказать умом моим,
чтобы и других наставить,
нежели тьму слов на незнакомом
языке.*

1 Кор. 14:18,19

Похоже, конец прошлого года дал повод хотя бы на время отложить сеговняние на маргинальность христианской темы в обществе. Все не затухает резонанс, вызванный фильмом «Остров», удостоившимся патриаршей награды и показанным в Рождество по телеканалу «Россия». Однако за горячими дискуссиями вокруг фильма было бы совершенно несправедливо забыть иное событие культурной жизни все той же второй половины 2006 г.: выход романа Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик».

150 тысяч экземпляров — тираж по нашим временам немалый, но все же не сравнимый с огромной аудиторией обычных и «домашних» кинотеатров, не говоря о телеаудитории. Из чего, конечно, не следует вывод о том, что перед нами менее значительное произведение. Уже сам эпиграф романа — слова апостола Павла, взятые в эпиграф и к данной статье — располагает к надежде на серьезное христианское чтение — надежде, в которой, думается, читатель не будет постыжен.

Значимые вещи часто являются в виде таких открытий, застающих врасплох. Для многих людей, прочитавших роман, связь букеровского лауреата 2001 г. Людмилы Улицкой (премия получена за роман «Казус Кукоцкого») с христианской темой и, более того — нештучная богословская эрудиция автора, могут явиться неожиданностью. Тем не менее, факт остается фактом — тема, вернее, темы книги по-настоящему христианские: неразрывность любви к Богу и ближнему, жертва, служение, страдание, вера и дела. Пути к Богу — мнимые и подлинные, религиозность темная и светлая, фанатизм и открытость... В центре романа — человек, подражающий Христу в том, чтобы быть человеком для других.

Человек этот — католический священник, монах ордена кармелитов по имени Даниэль. Христианин из евреев, увидевший свое Богом определенное место на израильской земле, где христианином быть неудобно, если не сказать опасно.

Христианские темы звучат в романе с силой и вдохновением, источник которых — реальная встреча автора с героем. Еврей-католик, монах-кармелит Даниэль, ставший христианином в молодости, в результате чудесного спасения от смерти, после того как сам он под видом фальшивого агента гестапо спас от гибели сотни евреев, реально существовал. Его настоящая фамилия — Рифайзен¹. Встреча с ним Л.Е.Улицкой произошла довольно давно: в 1992 году. В беседах и интервью Людмила Евгеньевна описывает встречу словами: «ощущение святости», «шаровая молния» (последняя метафора как образ концентрации одновременно света и притяжения и есть прекрасное выражение ощущения святости). Именно с тех пор, по свидетельству автора, и зрел замысел написать об этом человеке книгу, ибо не написать было нельзя...

Автором была выбрана псевдодокументальная форма романа — это почти целиком книга в письмах, дневниках, расшифровках бесед и других докумен-

тов. Еврей в Израиле может жить без особых проблем и не будучи иудеем — он вполне может быть агностиком или атеистом. С евреем-христианином куда сложнее. Утвердить право одновременно быть в этой стране и тем, и другим — право не только свое, но и всех евреев-христиан, которые приедут в страну после него, — Даниэль Рифайзен попытался, бодеясь с «дубом» израильской иммиграционной политики. В 50-х годах получило широкую огласку «дело Рифайзена» — чиновники отказались признать евреем запрашивающего израильское гражданство человека в расе и с крестом, и тот подал иск в Верховный суд страны. Процесс был проигран — Даниэлю было обещано лишь гражданство «по натурализации». Но его делу это помешать не смогло — вокруг прихода в городе Хайфе, где он служил, создалась христианская община.

Однако содержание романа «Даниэль Штайн...» выходит далеко за пределы темы иудео-христианских отношений и еврейства как такового, хотя эти темы и занимают в ней большое место. Думается, книгу можно определить как помноженное на писательский дар и 14 лет труда стремление говорить всерьез и вслух об основных христианских понятиях. И говорит — именно в силу писательской специфики Улицкой — языком, далеким от прописей. К роману, как, впрочем, и ко всему творчеству писателя, на расстояние выстрела нельзя подходить с малейшей толикой ханжества и «детства умом». Христианские темы раскрываются здесь через призму традиций современной прозы, обычно не предполагающей морализаторства и дидактики. Здесь совсем иное — острые постановки вопроса, вызывающие размышления.

Обозначим хотя бы одну из таких заостренных тем, возможно, главную — тему ортодоксии и ортопраксии. Даниэль, а с ним и сам автор озабочены тем, что в истории церкви за акцентом прежде всего на правоверии, доктринальной чистоте оказался отринут унаследованный от иудейства первохристианский примат достойного поведения. Похоже, представления о тесной взаимосвязи «православного» вероучения и правильной жизни автор не слишком разделяет — надо думать, потому, что не слишком много наблюдает в жизни. Однако вполне можно понять смущение иного христианского читателя (и вовсе не обязательно отъявленного фундаменталиста) при виде следующих пылких рассуждений героя о тринитарном догмате: «это придумали греки, потому что их интересовал философские построения, а не Единый Бог, потому что они были политеисты!» Как, с другой стороны, можно понять и само это горячее стремление Даниэля сделать христианство понятным людям еврейской традиции, да и вопрос, как соотносил ортодоксию и ортопраксию Сам Христос. Тем не менее, кого-то возмутит сама постановка вопроса: догматы — лицо христианства, поколебать их значит исказить Откровение. Но такая реакция вовсе не запрограммирована: кого-то другого эта постановка подвигнет на серьезное богословское размышление о соотношении Откровения и его языка.

Да, книга Улицкой — не катехизис; непедагогичен с точки зрения привычных представлений и ее главный герой. Но значит ли это отсутствие нарочитого стремления кого-то чему-то научить то, что она и в самом деле никого ничему не учит? Ведь в каком-то близком отношении непедагогичен и «неклассический» монашеский подвиг матери Марии (Скобцовой), как и мысль Бонхёффера о совершеннолетнем человеке секулярной эпохи. Кстати, можно заметить, что весь контекст романа, вполне в духе европейской традиции, во многом взрастившей и бонхёфферовскую мысль, предполагает именно «совер-

шенное» читателя, способность его критического разума выносить подлинно нравственные оценки даже независимо от отношения к вере в Бога. (Опять же кстати, отношение к такой возможности — еще один важный предмет для диалога разных христианских традиций, и тем более интересным и глубоким представляется роман). И одновременно «шаровая молния» христианства Даниэля чем-то похожа на огненное христианство м. Марии.

Оба святых XX века — и русская монахиня, и немецкий пастор — заплатили за свою христианскую свободу цену ученичества — и цену мученичества. Нет поверхностности и налета «дешевой милости» и в образе Даниэля. «Мне жизнь была подарена, и я свою обещался подарить» — признается он в романе, и это признание, а главное — сама жизнь героя не дают места ощущению «облегченного христианства», обвинение в котором предвосхищается автором в письме Штайну одного из «шибко православных» персонажей. Напротив, красной нитью в романе проходит мысль о том, что подлинно христианский путь тернист. Даниэль и его община, обретшая служение милосердия, сталкивается в окружающей еврейской среде с враждебностью уже только по причине своего христианства. Одновременно его католическое начальство регулярно докладывает о каждом его нестандартном шаге и слове «куда следует», то есть, понятное дело, выше по инстанции. И — никакого «хэппи энда»: такое впечатление, что более трагичное окончание жизни героя по сравнению с прототипом подчеркивает мысль о трудной судьбе любви в мире.

Что в итоге? Хвала и хула роману с таким содержанием обеспечены и уже имеют место, хотя основная дискуссия, видимо, еще впереди. Убежденному либералу посыл романа принять легко: человек здесь определенно выше принципа, включая и догмат. Консервативному мышлению «нон-конформистское» христианство Даниэля вряд ли придется по вкусу. Заводится уже и заезженная пластинка про засилье евреев, мировую закулису и зловерный глобализм.

Правда, сама идея церкви, церковной общины по национальному принципу может вызвать серьезное возражение: ведь во Христе нет «ни эллина, ни иудея». Но на примере Даниэля видно, как человек оказывается больше своей идеи. Он — личность настолько открытая и притягательная, что у него как то естественно не удается в чистом виде его собственный изначальный замысел: восстановить первохристианскую общину своего горячо любимого народа. Сама община удается, но народы в нее идут разные: немцы, поляки, арабы-христиане — правда, что вполне понятно в израильских условиях, принимая своим общим языком иврит. «Шаровая молния» светит всем, притягивает и электризует любовью всех вокруг, кто только сам себя не изолировал от любви.

И, наконец, еще один, может быть, самый нелегкий вопрос по прочтении: неужели только через такие немногие «шаровые молнии», какой был Даниэль Штайн — Рифайзен, поддерживается горение духа? Ведь и здесь, как и во многих других случаях в истории, уход основателя привел к прекращению существования общины.

Одна из профессий, которой зарабатывал себе на жизнь Даниэль — переводчик — ассоциируется с Пятидесятницей, с разрушением барьеров непонимания между людьми. Духом Пятидесятницы, стремления к преодолению розни мира сего дышит вся жизнь героя романа в той точке земного шара, где эта рознь ощущается с такой силой. Вспоминается еще одно слово — «понифик», перешедшее в католичество от реалий языческого Рима именование

римских пап. В переводе это слово означает «мостостроитель». Кстати, в романе фигурирует и папа Иоанн-Павел II, к которому, с его стремлением наводить мосты через пропасти взаимного отчуждения людей, так подходил этот эпитет. Так и Даниэль — на земле, по которой ходил и где молился Отцу Спасителю, а ныне, словно по чьей-то злой иронии, тысячи евреев и арабов молятся одному и тому же Богу об уничтожении друг друга, он и был «мостостроителем», строя мост между иудаизмом и христианством из самого себя, «из своего живого тела». Не случайно папа оказывается в состоянии понять своего старого знакомого (реальные Кароль Вой-

Брат Даниэль Рифайзен (Oswald Rufeisen)

тыла и Даниэль Рифайзен были знакомы с военных лет). Он лишь — одновременно и по-епископски и по-приятельски — увещевает его: «Не торопись. Корабль огромный...»

Тема «корабля» Церкви — пожалуй, лейтмотив книги. Для христианства наших дней характерны размышления о том, какой курс в изменяющемся мире должен держать этот огромный корабль, как должно меняться само христианство, чтобы остались неизменными его новозаветные основы. Отраднo, что к этим размышлениям присоединился серьезный писатель, что с христианством все еще может дружить и «взрослая» проза, а не только «причесанные» житийный и нравоучительный жанры.

Фактически выход книги Л.Улицкой — это предложение обсуждать сегодняшние и завтрашние судьбы христианства и церкви всем заинтересованным в них, а не только сотрудникам епархиальных управлений, богословских институтов и в других, увы, довольно узких кругах «практикующих христиан». Что ж, в «постконстантиновскую» эпоху трудно соблюдать принцип disciplina arcani (традицию закрытия многих церковных реалий от людей недостаточной церковности) в том виде, в каком этот принцип существовал в древней церкви. Думается, что этой ситуации вовсе не стоит огорчаться: в подобных явлениях культуры можно видеть шанс введения реального, а не номинального и официозного христианства из «гетто».

Изменения, по собственному признанию, ощутил и автор в самом себе после написания книги: «Ты начинаешь ее одним человеком, выходишь из нее другим. Написав эту книгу, я вступила в некоторый другой возраст. Последний это возраст, не последний... Обновился взгляд. Многие вещи я увидела другим глазом»².

Дмитрий МАТВЕЕВ

¹ О Даниэле Рифайзене и его общине в городе Хайфе см., напр.: «И назову субботу воскресеньем. Отец Даниэль, кармелит в Израиле». Журнал «Истина и Жизнь» №12, 1996, стр. 16-20.

² Цитата из статьи Веры Копыловой «Шаровая молния в растянутом свитере». Газета «МК», 14.11.2006